

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ В РОССИИ**

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

БАЗЫ ДАННЫХ ДНК-ПРОФИЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ И / ИЛИ ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ?*

**Ольга Ивановна Андреева¹,
Татьяна Владимировна Трубникова²**

¹ Доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, andreevaoi_70@mail.ru

² Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, trubn@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние презумпции невиновности (в широком ее понимании) на правила создания и ведения баз ДНК-профилей, систематизируются направления такого влияния и их последствия для уголовного судопроизводства, формулируются предложения, направленные на обеспечение прав лиц в уголовном процессе.

Ключевые слова: геномная регистрация, геномная идентификация, профилирование ДНК в расследовании преступлений, презумпция невиновности, конфиденциальность генетической информации

Введение

Анализ ДНК был впервые использован в полицейских расследованиях в середине 1980-х гг.; с тех пор он применяется к растущему кругу уголовных расследований. Согласно Глобальному ис-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (научный проект № 18-29-14071).

следованию профилирования ДНК, проведенному Интерполом, в 2008 г. 120 стран использовали профилирование ДНК при расследовании уголовных дел, 54 из них имели на этот момент национальные базы данных ДНК и 26 планировали их ввести. В 2019 г. уже 70 стран – членов Интерпола сообщили о наличии государственной базы данных ДНК [1].

Биологические образцы, оставленные на месте преступления, содержащие ДНК преступника, отождествление этой ДНК с ДНК подозреваемого могут быть ключевым элементом в расследовании преступлений. Например, в 2010 г. профилирование ДНК помогло выявить и осудить гражданина Афганистана за совершение ряда насильственных половых актов в Калифорнии в период с 2002 по 2004 г. и изнасилований в Австрии в 2009 г. Образцы ДНК оказались полезными для раскрытия в 2013 г. дела «Бостонского душеителя» об изнасилованиях и убийствах 11 женщин, совершенных в 1962–1964 гг. [2]. Согласно информации, сообщенной пресс-центром МВД России в мае 2021 г., в России с 2009 г. более 30 тыс. преступлений удалось раскрыть с помощью базы данных ДНК. Экспертизы и исследования ДНК помогли установить более 70 тыс. лиц, которые были причастны к совершению преступлений [3].

Отмечается рост объема федеральной базы данных геномной информации как за счет генетических профилей, так и за счет биологических материалов с места преступлений [4. С. 88]. В то же время широкое использование данных ДНК для расследования и расширение баз ДНК-профилей, используемых правоохранительными органами, вызывают ряд опасений специалистов. При этом чаще всего ставятся вопросы о том, не нарушает ли расширение базы ДНК-профилей чрезмерным образом право на конфиденциальность, как найти баланс между конкурирующими интересами в обеспечении права на неприкосновенность частной жизни и интересами государства и общества в раскрытии преступлений [5. Р. 165; 6. Р. 1078–1079; 7. Р. 160]. Однако правомерна и другая группа вопросов: как сделать так, чтобы создание и хранение баз данных

ДНК-профилей, использование их результатов в расследовании не нарушали бы принципа презумпции невиновности и, в более широком подходе, презумпции добропорядочности гражданина, не использовались бы несоразмерно оправданной цели [8; 9; 10. Р. 168].

В опубликованных ранее работах мы уже высказывались по поводу соотношения между отечественным порядком обязательной геномной регистрации и необходимостью обеспечить уважение частной жизни, правом на конфиденциальность геномной информации [11–14]. В данной работе мы попытаемся определить то воздействие, которое презумпция невиновности (в широком ее понимании) должна оказывать на правила создания и ведения баз данных ДНК-профилей, систематизировать направления такого воздействия и их последствия для уголовного судопроизводства РФ.

Инструментарий

Прежде всего нам будет необходимо определить содержание, которое мы вкладываем в понятие «презумпция невиновности». Обязательная геномная регистрация направлена на то, чтобы в будущем раскрывать и расследовать еще не совершенные преступления, тогда как геномная идентификация предпринимается для расследования уже совершенного преступления и ее положительный результат способен привести к приобретению лицом статуса подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу, может быть веским доказательством в суде. Само существование и использование в уголовном судопроизводстве базы ДНК-профилей требует формирования «широкого» подхода к пониманию презумпции невиновности. Предложим требования, которые, на наш взгляд, должны включаться в содержание презумпции невиновности в «широком» смысле.

1. Запрет обращаться с лицом, не признанным виновным, как с преступником. Лицо, профиль ДНК которого включен в

федеральную базу ДНК-профилей, используемых правоохранительными органами, будет «автоматически» проверяться на причастность к преступлению в каждом случае, когда на месте преступления обнаружены и собраны материалы, содержащие ДНК. Очевидно, что лицо, не признанное в установленном порядке подозреваемым, фактически является таковым уже в силу того, что его ДНК-профиль имеется в базе. С учетом этого необходимы меры, которые бы ограничивали «преждевременное» восприятие лица, данные о ДНК которого включены в базу данных, в качестве потенциального преступника.

2. Возможность лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, опровергать обвинительный тезис. В ситуации, когда обвинение в значительной степени строится на ДНК-идентификации, подозреваемый / обвиняемый должен иметь полноценную возможность проверять и оспаривать заключение эксперта или специалиста, согласно которому его ДНК совпало с ДНК, обнаруженной на месте преступления или на теле потерпевшего.

3. Недопустимость чрезмерных ограничений прав лиц, не вовлеченных в уголовное судопроизводство, или ограничений, выходящих за пределы, оправданные общественно значимой целью. Цель расследования преступлений не может оправдать любое вмешательство в жизнь лиц, которые вовлечены в уголовное судопроизводство, и тем более она не должна становиться источником страхов, существенных неудобств для лиц, не совершивших преступление и не являющихся участниками уголовного судопроизводства.

Попробуем оценить действующее в России законодательство (а также обсуждаемые возможности его изменения) с точки зрения этих трех требований на основе анализа законодательства других государств и правовых позиций ЕСПЧ.

Исследование

1. Состояние российского законодательства в области ДНК-профилирования и ДНК-идентификации.

В России сегодня существует обязательная геномная регистрация для некоторых категорий лиц. К их числу в соответствии со ст. 7 ФЗ от 3 декабря 2008 г. «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» относятся, в частности:

- лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности;
- неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий;
- неопознанные трупы.

Однако в настоящее время обсуждается возможность кардинального расширения государственной базы ДНК-профилей в соответствии с законопроектом, находящимся на рассмотрении в Государственной Думе РФ, за счет обязательной геномной регистрации всех подозреваемых, обвиняемых, лиц, осужденных к лишению свободы, лиц, подвергнутых административному аресту [15]. Кроме того, Председатель СК РФ А.И. Бастрыкин предложил ввести обязательную геномную регистрацию для трудовых мигрантов, обосновав это предложение данными о том, что среди мигрантов число экстремистских преступлений увеличилось на 33%, терроризма – на 26%, убийств – на 8%, изнасилований – на 5% [16].

Геномная информация, в соответствии с ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», хранится до установления факта смерти лица, а при отсутствии сведений о его смерти – до даты, когда ему исполнилось бы 100 лет. Независимая проверка оснований для включения данных лица в базу, возможности лица проверить, имеются ли в базе его данные и осуществ-

ляется ли по ним проверка, право требовать исключения данных из базы ДНК-профилей – отсутствуют. Отсутствует правовая регламентация вопросов использования в ходе расследований данных о ДНК лиц, имеющих в негосударственных базах данных (базах данных лечебных и научно-исследовательских учреждений, биобанках).

В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют специальные нормы, посвященные ДНК-идентификации и ДНК-регистрации.

2. Результаты исследований ДНК как доказательства.

ДНК-доказательства воспринимаются как высоконадежные. «Поскольку ДНК настолько мощна, мы склонны рассматривать ее как серебряную пулю», – говорит Ив Моро, биолог и инженер из Католического университета Лёвена в Бельгии [17].

Однако как научные исследования, так и практика показывают, что совпадение признаков ДНК может быть ошибочным или случайным [5; 18. Р. 763–781].

Например, в 2002 г. в тосканской деревне иностранец убил девушку. Из пятна крови, оставленного на месте преступления, был составлен профиль ДНК подозреваемого, который был распространен в сети Интерпола. В феврале 2002 г. П.Н. Ханкин, бармен из Англии, был опознан сотрудниками NDNAD и обвинен в убийстве. Он отрицал обвинения и заявлял, что находился на своем рабочем месте в день убийства, что подтвердили несколько очевидцев. Однако он был арестован. В конце концов британские офицеры сообщили, что новый профиль ДНК, полученный из образца, добровольно предоставленного Ханкиным, не вполне соответствовал образцу, полученному на месте преступления. Впоследствии с него сняли все обвинения [19].

Идентификация может быть недостоверной или вызываться загрязнением собранного материала, как это было, например, в известной ситуации с «Фантомом из Хайльбронна» [20], либо использованием недостаточно качественных реактивов. Наконец, нельзя исключить ошибки или намеренное искажение информации

в экспертной лаборатории: ошибки в анализе ДНК, вызванные компьютерным оборудованием или программным обеспечением, внесение изменений в файлы с исходными данными, а также неверный ввод информации [21].

Как следствие, неприемлемо отношение к результату ДНК-идентификации как к бесспорному доказательству. Поскольку, тем не менее, опровергнуть такое доказательство чрезвычайно трудно, стороне защиты должны быть законом и практикой предоставлены для этого достаточные и необходимые возможности, включая право проводить независимую экспертизу у специалиста (в лаборатории) по своему выбору и получать в этих целях доступ к биологическим образцам, использованным для производства исследований. Кроме того, в законе должна быть урегулирована процедура получения образцов для хранения и сравнительного исследования, которая гарантировала бы достоверность этого образца и соблюдение прав лица, у которого берутся такие образцы, не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

3. Объем базы ДНК-профилей и субъекты, образцы ДНК которых хранятся в этой базе.

Профили ДНК в национальных базах данных необходимы для поддержания баланса между конкурирующими интересами права на неприкосновенность частной жизни и интересами государства и общества в раскрытии преступлений.

Для выстраивания такого баланса несколько критериев предложил ЕСПЧ. Так, по мнению суда, для защиты своего населения в соответствии с требованиями национальные власти могут на законных основаниях создавать базы данных в качестве эффективного средства, помогающего наказывать и предотвращать определенные преступления, включая самые серьезные виды преступлений [22]. Однако такие средства, по мнению ЕСПЧ, «не могут быть реализованы как часть оскорбительного стремления максимизировать хранящуюся в них информацию и продолжительность времени, в течение которого они сохранены» [23].

Безоговорочный и неизбирательный характер полномочий, связанных с хранением отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей ДНК лиц, подозревавшихся, но не осуждённых за преступления, не обеспечивает соблюдения справедливого баланса между конкурирующими общественными и частными интересами [24]. В то же время, по мнению ЕСПЧ, сбор и хранение образцов ДНК лиц, осужденных за тяжкие преступления или преступления, связанные с наркотиками, для будущего использования в уголовном судопроизводстве является оправданным и соразмерным [25].

В международной практике применяются различные способы определения круга лиц, ДНК-профили которых подлежат хранению. В таких странах, как Франция и Германия, сбор образцов ДНК производится у лиц, совершивших тяжкие преступления по определенному списку (например, преступления против жизни, сексуальное насилие или грабеж). В такой стране, как Венгрия, определяют необходимость получения образцов ДНК в зависимости от срока осуждения (например, если назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет).

Включение образцов ДНК в базы данных может производиться на основании специального приказа судьи или суда (например, в Люксембурге, Нидерландах и Португалии). В Эстонии, Латвии, Литве и Словакии могут быть включены в базу данных образцы ДНК подозреваемого или осужденного за любое преступление.

Между тем невинные люди, чьи профили ДНК включены в базы данных ДНК, могут быть уязвимы для стигматизации или предвзятого обращения [26]. Кроме того, само нахождение в этой базе «бросает вызов правам человека, таким как презумпция невинности, поскольку сама структура стандартных процедур использования баз данных подразумевает, что преступники, совершившие ранее преступления, считаются вероятными подозреваемыми в будущих преступлениях и должны “доказывать” свою невинность» [27].

С учетом этого необходимо посмотреть, есть ли необходимость в максимальном расширении базы ДНК-профилей. Опыт Великобритании показывает, что нет. Результаты применения в Великобритании обширной базы данных ДНК-профилей (до 10% от населения) показали, что увеличение объема информации оказало несущественное воздействие на увеличение числа раскрытых преступлений. По оценкам GeneWatch UK, только около 0,03% раскрываемых преступлений являлось результатом совпадений с хранимыми профилями ДНК. Всего же процент зарегистрированных преступлений, связанных с обнаружением ДНК, составлял около 0,37% [25].

По оценкам британских специалистов, рост раскрываемости скорее может быть связан с тем, что в базы данных загружается больше профилей ДНК места преступления, а не от того, что в базе профилей ДНК хранится больше образцов. В то же время количество дел, которые могут быть решены с использованием анализа ДНК, всегда будет ограничено количеством мест преступления, из которых можно собирать профили ДНК. Маловероятно, что будет возможно получить профили ДНК из более чем 1% мест преступления [28. S. 27].

Аналогичные показатели, по-видимому, характерны и для нашей страны. По информации МВД России, 30 тыс. преступлений удалось раскрыть с помощью базы данных ДНК начиная с 2009 г. За тот же период времени было зарегистрировано около 30 млн преступлений. Таким образом, лишь 0,1% зарегистрированных преступлений были раскрыты с использованием хранимых профилей ДНК.

В то же время ДНК-профилирование очень дорого обходится и требует высококачественного оборудования и подготовленных специалистов. Так, по оценкам авторов проекта закона о расширении круга лиц, которые должны будут подвергаться обязательной геномной регистрации, 2,74 млн новых записей в базе ДНК-профилей обойдется России в 7,66 млрд рублей. Соответственно, расширение геномной регистрации на всех трудовых мигрантов будет стоить еще примерно 14 млрд рублей [29].

Однако границы базы данных и ее использование становятся формой социальной дифференциации между «Мы, нормальные, доверенные граждане» и «Они, Другие, не заслуживающие доверия» [30]. В этой ситуации представляется, что предложения о расширении перечня случаев обязательной геномной регистрации выходят за пределы оправданных целью раскрытия преступлений и существенно нарушают презумпцию невиновности.

4. Продолжительность хранения образцов и возможность их исключения из базы.

В Швейцарии образцы ДНК могут быть взяты у подозреваемого. Однако в базу данных они заносятся только после его осуждения. Образцы ДНК изымаются из базы после оправдания, в случае прекращения дела или смерти осужденного. Записи о ДНК-профиле удаляют через 10 лет после отбытия наказания [31].

ЕСПЧ указал в Постановлении по делу «Aucaguet против Франции», что осужденным должны быть предоставлены практические средства для подачи ходатайства об удалении зарегистрированных данных. Это средство правовой защиты должно быть доступно, чтобы гарантировать, что период хранения данных пропорционален характеру правонарушений и целям ограничений [22].

Таким образом, в законодательстве РФ необходимо предусмотреть как более гибкий порядок определения сроков хранения ДНК-профилей, так и право граждан знать о том, что в базе данных хранится информация об их профиле, а также право требовать удаления этих данных, которое может защищаться в судебном порядке.

5. Обсуждается в литературе также ряд проблем, связанных с допустимостью использования для идентификации профилей ДНК, хранимых в негосударственных базах [32, 33]. Проведенное исследование показало, что только 4 компании из 22 опрошенных предоставили дополнительную информацию о том, как правоохранительные органы должны запрашивать разрешение на использование их услуг в правоохранительных целях. Более того, выяснилось, что две компании предоставляют специальные услуги для

правоохранительных органов [34]. Аналогичные данные были получены в ходе нашего исследования. Некоторые руководители научных организаций, занимающихся проблемами генетики, опрошенные нами в ходе структурированного интервью, признались, что они, осуществляя ДНК-идентификацию по обращению правоохранительных органов, использовали для нее «имеющуюся у них базу данных», т.е. без разрешения пациентов и без судебного решения использовали их генетические данные для розыска преступников или их родственников.

Эти вопросы в настоящее время находятся в «серой зоне» и требуют появления нормативного и этического регулирования.

Выводы

Рост использования технологий ДНК-идентификации имеет место в ситуации крайне слабого и недостаточного нормативного урегулирования. Это верно для всех стран и связано с новизной и быстрым развитием соответствующих технологий.

В целях обеспечения презумпции невиновности, формирования оптимального баланса между интересом, направленным на раскрытие преступлений, и правами, законными интересами частных лиц законодательство о геномной регистрации и хранении профилей ДНК должно стать более подробным и регламентирующим следующие обстоятельства:

– хранение данных должно являться соразмерным цели сбора и ограниченным по времени;

– оно не должно быть неизбежным и безоговорочным, не зависящим от возраста лица и тяжести совершенного им преступления;

– оно не может продолжаться в отношении оправданных, так как это нарушает презумпцию невиновности и ведет к их стигматизации. Должна существовать возможность для того, чтобы оправданные лица могли требовать удаления этих данных из общенациональной базы или их уничтожения;

– должна существовать возможность независимой проверки оснований для хранения в соответствии с установленными критериями.

Изменения, необходимые в уголовном судопроизводстве:

– стороне защиты должны быть законом и практикой предоставлены для этого достаточные и необходимые возможности, включая право проводить независимую экспертизу у специалиста (в лаборатории) по своему выбору и получать в этих целях доступ к биологическим образцам, использованным для производства исследований;

– в законе должна быть урегулирована процедура получения образцов для хранения и сравнительного исследования, которая гарантировала бы достоверность этого образца и соблюдение прав лица, у которого берутся такие образцы, не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению;

– суды должны осуществлять действенный судебный контроль за порядком получения, использования и хранения геномной информации. Иное может приводить к дальнейшей «разбалансировке» ситуации, возможно – к чрезмерному усилению государственного вмешательства в сферу прав личности вопреки интересам общества.

Список литературы

1. Global DNA Profiling Survey Results 2019. URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Forensics/DNA> (date of access: 04.01.2022).

2. DNA ties dead suspect to 'Boston Strangler' case: officials. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-crime-bostonstrangler/dna-ties-dead-suspect-to-boston-strangler-case-officials-idUSBRE96A00820130711> (date of access: 04.01.2022).

3. В МВД назвали число раскрытых благодаря базе данных ДНК преступлений. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6096007d9a794728f4031a2d> (дата обращения: 04.01.2022).

4. Андреева О.И. Нравственные начала использования генетической информации в сфере уголовной юстиции // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Право. 2021. № 3 (136). С. 88. <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2021-136-3-86-97>.

5. Rahime Erbaş. The Tension between Genome Privacy and Criminal Justice in the Wake of DNA Databases // Journal of Penal Law and Criminology. 2017. No. 5 (2). P. 163–178.

6. Natalie Ram, Christi J. Guerrini, Amy L. McGuire. Genealogy databases and the future of criminal investigation // *Science*. 08 Jun 2018. Vol. 360, Issue 6393. P. 1078–1079.

7. Rothstein Mark A., Talbott Meghan K. The Expanding Use of DNA in Law Enforcement: What Role for Privacy? // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2006. No. 34. P. 153–164.

8. Johanne Yttr Dahl, Ann Rudinow Sætнан. “It all happened so slowly” – On controlling function creep in forensic DNA databases // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2009. Vol. 37, Issue 3. P. 83–103.

9. Yves Moreau. Crack down on genomic surveillance // *Nature*. 2019. No. 576 (7785). P. 36–38.

10. Williams R., Wienroth M. Social and Ethical Aspects of Forensic Genetics: A Critical Review // *Forensic Science Review*. 2017. No. 29 (2). P. 145–169.

11. Андреева О.И., Ольховик Н.В., Трубникова Т.В. Актуальные для России вопросы геномных исследований и практики использования их результатов // *Правовые проблемы укрепления российской государственности* : сб. статей / науч. ред.: О.И. Андреева, Т.В. Трубникова; отв. секретарь И.В. Чаднова. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Ч. 83. С. 4–14.

12. Trubnikova T.V., Matsepuro D.M., Bezrukova E.M. Genomic era and new challenges for justice & regulation // *LEGAL ISSUES JOURNAL*. 2020. No. 8, Issue 1. P. 81–86.

13. Андреева О.И., Мацепуро Д.М., Ольховик Н.В., Трубникова Т.В. Уголовная юстиция в постгеномную эпоху: новые вызовы и поиск баланса // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2020. № 35. С. 14–28.

14. Ivanov V.V., Matsepuro D.M., Trubnikova T.V. National Judicial Bodies in Search of a Balance of Public and Private Interests // Bylieva D., Nordmann A. (eds) *Technology, Innovation and Creativity in Digital Society*. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 345. P. 148. https://doi.org/10.1007/978-3-030-89708-6_14.

15. Бастрыкин предложил ввести обязательную геномную регистрацию мигрантов // *РБК*. 01 ноября 2021. URL: <https://www.rbc.ru/society/01/11/2021/617f770f9a7947406b37a766> (дата обращения: 04.01.2022).

16. Carrie Arnold. The controversial company using DNA to sketch the faces of criminals // *Nature*. 2020. Vol. 585 (7824). P. 178–181.

17. Erin Murphy. The New Forensics: Criminal Justice, False Certainty, and the Second Generation of Scientific Evidence // *California Law Review*. Vol. 95, No. 3. P. 721–797.

18. Vince L Pascali, Giampietro Lago, Marina Dobosz. The dark side of the UK National DNA Database // *THE LANCET*. 2003. Vol. 362.

19. Законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (дата обращения: 04.01.2022).

20. Elizabeth Gasiorowski-Denis. Зарадка фантома из Хайльбронна. URL: <https://www.iso.org/ru/contents/news/2016/07/Ref2094.html> (дата обращения: 04.01.2022).
21. Eoghan Casey, Thomas Souvignet. Digital transformation risk management in forensic science laboratories // *Forensic Science International*. September 2020. 316(2):110486. doi: 10.1016/j.forsciint.2020.110486
22. Постановление ЕСПЧ по делу «Aucaguet против Франции» (жалоба № 8806/12) от 22 июня 2017 г.
23. Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «S. и Marper против Соединённого Королевства» (жалобы № 30562/04 и 30566/04) от 04.12.2008 г. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus/?i=001-90051> (дата обращения: 04.01.2022).
24. Постановление ЕСПЧ по делу «Перуццо и Маргенс против Германии» Жалобы № 7841/08 и 57900/12.
25. Case of S. and Marper v. the United Kingdom (No. 30562/04&30566/04). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-90051> (date of access: 04.01.2022).
26. Krimsky S., Sloan K. (Eds.). *Race and the genetic revolution: Science, myth, and culture*. Columbia University Press, 2011. URL: <https://doi.org/10.7312/columbia/9780231156974.003.0004>
27. Whittall H. The forensic use of DNA: Scientific success story, ethical minefield // *Biotechnology Journal: Healthcare Nutrition Technology*. 2008. Vol. 3 (3). S. 303–305. <https://doi.org/10.1002/biot.200800018>
28. Wallace Helen. The UK National DNA Database: Balancing crime detection, human rights and privacy // *Science and Society*. 2006. Jul; (7). S. 26–30.
29. Фарниев Д. Стало известно, во сколько обойдётся бюджету геномная регистрация всех мигрантов в России. URL: <https://secretmag.ru/news/stalo-izvestno-vo-skolko-oboidetsya-byudzhetu-genomnaya-registraciya-vsekh-migrantov-v-rossii-02-11-2021.htm> (дата обращения: 04.01.2022).
30. Garland D. Panopticon days: surveillance and society // *Criminal Justice Matters*. 1995. Vol. 20 (1). P. 3–4. <https://doi.org/10.1080/09627259508552708>
31. Федеральный закон Швейцарии «Об использовании профилей ДНК в уголовном производстве и для опознания неизвестных или пропавших без вести» (Закон о профилях ДНК) от 20 июня 2003 г. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/2003/679/de> (дата обращения: 04.01.2022).
32. Arnold C. The controversial company using DNA to sketch the faces of criminals // *Nature*. 2020. No. 585 (7824). P. 178–181. <http://doi.org/10.1038/d41586-020-02545-5>.
33. Chow-White P., Struve S., Lusoli A., Lesage F., Saraf N., Oldring A. ‘Warren Buffet is my cousin’: shaping public understanding of big data biotechnology, direct-to-consumer genomics, and 23andMe on Twitter // *Information, Communication & Society*. 2018. No. 21 (3). P. 448–464. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1285951>
34. Skeva S., Larmuseau M.H., Shabani M. Review of policies of companies and databases regarding access to customers’ genealogy data for law enforcement purposes // *Personalized medicine*. 2020. No. 17 (2). P. 141–153. <https://doi.org/10.2217/pme-2019-0100>